

Затем Линь Шу быстро продолжил спрашивать Цзюй Минфэна:

— Давай покороче — как ты вообще сюда попал?

Цзюй Минфэн ответил:

— Я уговорил Сюй Наня привезти меня. Он ведь каждую неделю возвращается в Хуси? Я сказал, что хочу сюда приехать, и подъехал с ним.

Сюй Нань был другом детства Цзюй Минфэна, на шесть лет старше его, сыном адвоката матери Цзюй Минфэна. Обычно он учился в городе Биньхай вместе с матерью, но на выходные возвращался в Хуси к отцу и другим родственникам. Цзюй Минфэн воспользовался этим, чтобы приехать.

Линь Шу спросил:

— ...Но как ты узнал, где мой дом?

Цзюй Минфэн самодовольно улыбнулся и сказал:

— Узнал у семьи Лян. Лян Цзивэнь всё такой же глупый... Хотя, чтобы связаться с твоим дедом, мне пришлось потрудиться.

Затем он пристально посмотрел на Линь Шу, в его глазах читалось явное «Похвали меня!»

Линь Шу только смущённо сказал:

— Ммм... молодец.

И погладил Цзюй Минфэна по голове.

В душе он подумал, что Лян Цзивэню сейчас всего 12 лет, и ты гордишься тем, что обманул школьника?

После этого они вместе спустились вниз, где Лян Юэхуа уже приготовила завтрак. Основным блюдом была густая белая каша с насыщенным ароматом риса. Нарезанные соломкой редька, огурцы и морская капуста были аккуратно перемешаны с добавлением чеснока и небольшого количества уксуса, создавая кисло-сладкий и освежающий вкус. Два идеально приготовленных яйца-пашот лежали на белой тарелке, их края словно были обведены золотой линией, а при нажатии ложечкой в середине можно было увидеть слегка застывший желток, напоминающий восход солнца, яркий, но не ослепительный.

Рядом лежали тонко нарезанные кусочки говядины в соусе, поданные на отдельной тарелке с домашним соусом.

Лян Юэхуа расставила все блюда и теперь раскладывала приборы. Увидев, что дети спускаются, она взглянула на них и почувствовала, что ребёнок, который пришёл с её сыном, выглядит знакомым.

Она решила, что, возможно, видела его раньше, поэтому не стала углубляться и спросила:

— Сяо Шу, как зовут твоего друга?

Цзюй Минфэн сразу же активно ответил:

— Мама! Меня зовут Цзюй Минфэн!

«...»

«...»

Это обращение не только смутило Лян Юэхуа, но и заставило Линь Шу закрыть лицо рукой.

— Мама... мама, серьёзно?

Цзюй Минфэн, произнеся это, понял, что снова наговорил глупостей, и почувствовал досаду, его взгляд смущённо устремился на Линь Шу. Линь Шу не знал, сердиться ему или смеяться, но сначала нужно было как-то выкрутиться, поэтому он сказал:

— Это моя мама, а не твоя, не называй её мамой, ладно?

Цзюй Минфэн сразу же поправился:

— Прости, случайно сорвалось. Тётя, меня зовут Цзюй Минфэн.

И объяснил, как пишется его имя.

Многие дети действительно называют родителей друзей так же, как их друзья, например, «мама такого-то». Конечно, напрямую называть «мамой» в лицо встречается редко, но Лян Юэхуа всё же приняла это объяснение.

Она улыбнулась и сказала:

— Ты забавный мальчик. Садись завтракать.

Цзюй Минфэн сразу же подошёл и сказал:

— Тётя, я вам помогу.

Он с лёгкостью взял ложки со стола, расставил их, выдвинул стул для Лян Юэхуа и усадил её. Затем он также выдвинул стул для Линь Шу... Линь Шу на мгновение застыл, нервно взглянув на Лян Юэхуа, но мама, похоже, не заметила ничего странного, возможно, решив, что Цзюй Минфэн просто от природы вежлив.

Линь Шу потерял вилку, чувствуя, что его нервы слишком напряжены. И не без причины — как человек, привыкший к порядку, он никак не мог предугадать, когда Цзюй Минфэн вдруг начнёт дурачиться.

Он легко возбуждался и становился смешным.

К счастью, после этого Цзюй Минфэн больше не допускал глупых ошибок. За завтраком он остроумно шутил, добавляя немного детской непосредственности, что заставило Лян Юэхуа несколько раз рассмеяться.

После завтрака Лян Юэхуа собиралась убрать посуду, но Цзюй Минфэн вызвался сделать это сам. Хотя он был всего лишь другом Линь Шу, но как гость, он не мог позволить Лян Юэхуа убирать за ним. В итоге Линь Шу сам начал собирать посуду и попросил маму пойти в магазин.

Лян Юэхуа сначала немного беспокоилась, но, увидев, что сын справляется, не стала

возражать и ушла из дома.

После её ухода Линь Шу, убирая вещи, сказал своему уменьшенному возлюбленному:

— Можешь быть поосторожнее? Моя мама ничего не знает, ты можешь не выставлять себя дураком?

Цзюй Минфэн, понимая, что виноват, начал отвлекать, спрашивая:

— А где твой отец? Его не видно. Ушёл?

Линь Шу, услышав вопрос о Линь Цзиньхуа, остановился, и его настроение слегка поухло. Он сказал:

— Наверное, ещё спит.

Цзюй Минфэн, хорошо зная характер Линь Шу, по его тону понял, что в душе его любимого, вероятно, бушуют эмоции. Линь Шу всегда был таким — чем сильнее его внутренние переживания, тем спокойнее он выглядел внешне.

Цзюй Минфэн давно интересовался отношениями Линь Шу с отцом. Он знал, что отец Линь Шу покончил с собой из-за долгов, что мачеха сбежала с деньгами, чуть не лишив Линь Шу возможности учиться, и что его затянули в ночной клуб местные бандиты; он знал, что мать Линь Шу рано умерла, а отец был человеком, одержимым всеми пороками, и что его юность не была счастливой; он даже знал историю любви Лян Юэхуа и Линь Цзиньхуа — однокурсники, богатая девушка и альфонс... Но, несмотря на всё это, и несмотря на то, что в его понимании отец Линь Шу был довольно отвратительным человеком, Линь Шу редко выражал недовольство или обвинения.

Было ли это уважением к отцу или умершим, или просто нежеланием жаловаться на прошлое? Судя по тому, что Цзюй Минфэн знал о Линь Шу, оба варианта были возможны, поэтому он не мог точно сказать.

Но раз Линь Цзиньхуа всё ещё жив, эта тема, казалось, не была запретной.

Прошлое нельзя вернуть, поэтому Линь Шу не любил вспоминать и жаловаться на него. Он всегда больше ценил настоящее и будущее, чем цеплялся за прошлое.

Но очевидно, что Линь Цзиньхуа всё ещё был частью настоящего, а возможно, и будущего.

Поэтому Цзюй Минфэн спросил:

— Линь Шу, что ты думаешь о своих родителях?

Линь Шу долго молчал, прежде чем ответить:

— Мой отец... он не плохой человек, просто у него нет чувства ответственности.

Ах... Линь Шу выразился очень мягко, но Цзюй Минфэн сразу понял.

В мире есть два типа людей, которые, даже не имея злых намерений, всегда причиняют вред другим. Первый тип — это те, кто действует из добрых побуждений, или, по крайней мере, они сами так считают, но они всегда берутся за то, что им не по силам, вмешиваются в то, чего не понимают, и в итоге вредят и себе, и другим. Второй тип — это те, кто не имеет злых

намерений, но всегда избегает выполнения своих обязанностей, и в итоге тоже вредит и себе, и другим.

Если говорить о работе, то первый тип — это начальник, а второй — подчинённый, и оба — настоящая трагедия.

Цзюй Минфэн, будучи успешным в бизнесе, встречал множество таких людей. Но его отношение к ним сводилось к «увольнение», «увольнение», «увольнение»... Но что делать, если такой человек — твой близкий друг или родственник, Цзюй Минфэн пока не знал.

Хм... это самая сложная ситуация.

Сказать, что он плохой человек, нельзя — в повседневной жизни он не вызывает неприязни и даже осознаёт свои ошибки. Но если попросить его измениться... он не изменится, или, скорее, у него просто нет воли и решимости для этого. Он не хочет делать плохого, но всегда создаёт проблемы; не хочет причинять вреда, но постоянно делает то, что вызывает раздражение.

Цзюй Минфэн спросил:

— ...И что ты собираешься делать?

<http://bllate.org/book/16614/1519715>